

Ф.А. Терновский

**Блаженный Иероним и
блаженный Августин в их
взаимных отношениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Ф11

Ф11 **Ф.А. Терновский**
Блаженный Иероним и блаженный Августин в их взаимных отношениях / Ф.
А. Терновский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 47 с.

ISBN 978-5-518-07109-4

Труды Киевской духовной академии, 1868, 7, с. 3-47.

ISBN 978-5-518-07109-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стіанскої церкви. Но Августинъ не пошелъ по прямому и широкому пути къ познанію христіанства; если его привлекало превосходство нравственнаго христіанскаго ученія, то съ другой стороны священное Писаніе сразу не давало ему того, чего требовалъ его умъ, приученный къ діалектическимъ тонкостямъ, именно—філософской формулы содержащихся въ немъ истинъ. Эту формулу онъ думалъ найти у Платона, сближая съ первою главою евангелія Іоанна превосходную теорію о словѣ *несозданномъ*. Съ этого времени для него, по собственному его признанію, стало все ясно въ христіанствѣ и онъ перешелъ отъ Тимея къ евангелію. Такой путь христіанскаго самообразования Августина соотвѣтствовалъ природѣ его духа, склоннаго къ синтезу, желавшаго видѣть всякую религіозную истину подѣ формою данныхъ человѣческаго знанія и предпочитавшаго логическія доказательства отъ разума свидѣтельству людей и завѣренію чувствъ.—Этимъ опредѣлялся характеръ его христіанскаго міровоззрѣнія. Августинъ сначала смотрѣлъ на христіанство какъ на філософскую систему; чудеса и пророчества, по его мнѣнію, имѣютъ только вспомогательное значеніе. Благодаря такому смѣлому взгляду, Августинъ дошелъ до самой основы христіанства и былъ въ состояніи открыть ту превосходную глубокую связь, которую имѣютъ между собою христіанскія истины. Вотъ въ чемъ состояла сила Августина, вотъ за что онъ пользуется славою. Кромѣ этого онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ для надлежащаго толкованія Библіи; онъ плохо зналъ по-гречески, не имѣлъ никакихъ познаній въ языкѣ еврейскомъ; и что касается исторіи церкви, онъ ограничился изученіемъ тѣхъ отрывочныхъ компиляцій, какія изданы были на западѣ. Даже сочиненія Платона, которыми онъ руководствовался въ вопросахъ вѣры, онъ читалъ только при помощи латинскихъ переводовъ и изучалъ по совершенно-произволь-

нымъ комментаріямъ новой школы, несправедливо присвоенной собѣ названіе неоплатонической. Греческіе отцы церкви—главные основатели высшей критики по отношенію къ священному Писанію, не были близко извѣстны Августину, и—странная вещь—онъ едва зналъ объ Оригенѣ, о которомъ было столько горячихъ споровъ, производившихся отчасти еще предъ его глазами. Но Августинъ обладалъ творческимъ гениемъ, онъ догадывался о тѣхъ мысляхъ Платона, которыхъ не вычиталъ, и самъ изобрѣлъ собственные методы для изъясненія св. Писанія. Впрочемъ и такая громадная сила мысли и такая логичность не всегда могли замѣнить недостатокъ учености.

Христіанское воспитаніе Іеронима было совершенно другаго рода.

Происходя отъ христіанской фамилии, христіанинъ отъ рожденія, вскормленный, какъ выражается онъ самъ, млекоу христіанскимъ, напоенный уваженіемъ къ Библии и вѣроу въ священныя Писанія, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на непреложное слово Святаго Духа, онъ одного желалъ: въ самомъ Писаніи найти рѣшеніе своихъ недоумѣній. Мудрость человѣческая была для него на второмъ планѣ и въ подчиненіи мудрости божественной; откровеніе было для него выше всего. Тогда какъ Августинъ достигъ вѣры путемъ философіи, Іеронимъ презиралъ, какъ ложь и зло, всякую философію, которая не согласовалась, съ ученіемъ вѣры. Свои огромныя природныя способности Іеронимъ посвятилъ на служеніе безграничной вѣрѣ. Его неусыпные труды—все были направлены къ тому, чтобы при помощи историческихъ и географическихъ свѣдѣній, путешествій, изученія нравовъ, восточныхъ преданій и особенно языковъ доказать непоколебимую вѣрность исторіи о священныхъ событіяхъ. По его мнѣнію, учитель христіанскій прежде всего долженъ изучить ту книгу,

которой евангеліе служить продолженіемъ,—первая его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы доискаться въ текстѣ ея первоначальной чистоты—*еврейской истины*, по собственному выраженію Иеронима ¹⁾. Чтобы изучить эту истину у самаго ея истока, Иеронимъ уединенно поселился на востокѣ—въ странѣ, населенной іудеями и сирійцами, невдалекѣ отъ славившихся въ то время еврейскихъ школъ, въ монастырѣ, гдѣ значительную часть жизни посвятилъ изученію библейскаго текста и сличенію рукописей.

На востокѣ упорная борьба съ іудеями заставляла защитниковъ христіанства знакомиться съ первоначальнымъ библейскимъ текстомъ по еврейскому чтенію. На западѣ, гдѣ такой необходимости не было, христіане имѣли подъ руками только переводы Библии. Учителя восточной церкви не могли довольствоваться ~~и переводомъ~~ *Семидесяти*. Поэтому здѣсь занимались сличеніемъ перевода *Семидесяти* съ переводами Θεодотіона, Акиллы и Симмаха, сопоставленными въ *hexaplaхъ* Оригена ²⁾. Честолюбіе Иеронима, его христіанское призваніе, какъ онъ понималъ его, побуждало его возбудить на западѣ потребность въ вѣрѣ просвѣщенной ³⁾, и на языкѣ латинскомъ съ точностію передать ту еврейскую истину, которую онъ признавалъ вышедшею изъ устъ самаго Бога. Наоборотъ многіе отцы западной церкви (въ томъ числѣ и Августинъ) спрашивали, къ чему ведутъ работы, имѣющія цѣлю показать неточность общепринятаго перевода, и опа-

¹⁾ Ut scirent nostri, quid hebraica veritas contineret. Ed. Migne. Ep. 14, p. 627. in Ruf. II, p. 429 и сл.

²⁾ Apud graecos, post septuaginta editionem, jam Christi evangelio ruscante, judaeus Aquila et Symmachus ac Theodotibn judaisantes haeretici sunt recepti... et in Hexaplis habentur apud ecclesias, et explanantur ab ecclesiasticis viris. Hieron. in Ruf. II, p. 439.

³⁾ Latini mei grati esse deberent.—Ibid. p. 427.

сались, чтобы измѣненіе обычнаго текста Библіи не окончилось искаженіемъ вѣрованій. Августинъ имѣлъ въ виду практическую сторону дѣла; для Иеронима всего дороже была истина.

Такихъ противоположныхъ взглядовъ относительно христіанства держались эти два великіе учителя; въ ихъ перепискѣ по поводу возникшаго между ними спора мы постоянно будемъ видѣть доказательства этого. Иеронимъ и Августинъ никогда не видали другъ друга; они знали одинъ о другомъ только по нѣкоторымъ сочиненіямъ и изъ рассказовъ Алипія, сердечнаго друга Августинова, который въ теченіе 393-го года гостилъ въ монастырѣ Иеронима. До пресловутаго спора ихъ сношенія ограничивались немногими письмами съ извѣстіями о политическихъ событіяхъ или съ рекомендацію страпствующимъ богомольцамъ; тѣмъ не менѣе они были расположены любить другъ друга, и старикъ, подвижникъ вилеємскій, старавшійся снискать любовь у всѣхъ, въ новообращенномъ богословѣ гораздо болѣе желалъ видѣть своего приверженца, чѣмъ соперника. Ничего другаго не входило въ сношенія Августина и Иеронима до 395 года. Въ это время попало въ руки Августина сочиненіе Иеронима: *комментарій на посланіе св. ап. Павла къ галатамъ*, составленное пустышникомъ по просьбѣ нѣкоторыхъ его друзей, въ первые годы его поселенія въ Палестинѣ. Посланіе къ галатамъ содержитъ между прочимъ рассказъ о томъ, какъ ап. Павелъ среди вѣрующихъ церкви антиохійской публично укорилъ ап. Петра въ томъ, что онъ избѣгаетъ общенія съ вѣрными необрѣзанными, чтобы сблизиться съ обрѣзанными, прибывшими изъ Іерусалима, изъ церковной общины ап. Іакова.—Иеронимъ объяснялъ это событіе, его причины и его значеніе такимъ толкованіемъ, какового, по мнѣнію Августина, вовсе нельзя было допустить. Смотрѣвшій на все, по своему обычаю, съ

философской точки зрѣнія, горячій ревнитель правды, Августинъ былъ убѣжденъ, что читаемый имъ комментарий Иеронима содержитъ въ себѣ глубокое нравственное заблужденіе, даже святотатство, именно—оправданіе лжи, служащей къ пользѣ дѣла, авторитетомъ писаній. Здѣсь мы должны позволить себѣ нѣкоторое отступленіе.

Христіанство явилось въ Іудеѣ и послѣдователи его прежде всего были изъ іудеевъ—первоначально іудей, а потомъ язычники, какъ говоритъ самъ апостолъ языковъ (Рим. I, 16; II, 9, 10). Иначе и быть не могло. Въ самомъ дѣлѣ, какой народъ могъ быть призванъ ко вступленію въ новый завѣтъ, какъ не тотъ, который жилъ подъ руководствомъ завѣта ветхаго, владѣлъ, какъ наслѣдіемъ своихъ отцовъ, священными книгами, служащими основаніемъ евангелію, устами своихъ пророковъ возвѣщаль о Мессіи другимъ народамъ, и изъ среды котораго долженъ былъ родиться Мессія? Язычникъ, принявшій христіанство, долженъ былъ заниматься изученіемъ еврейскихъ книгъ, чтобы найти въ нихъ доказательство истинности христіанства; іудей и прежде былъ совершенно знакомъ съ ними. Кромѣ того, повидимому ни одинъ народъ тогдашняго міра не былъ лучше іудеевъ приготовленъ къ принятію нравственнаго христіанскаго ученія, составляющаго основу религіи: всякій іудей былъ внимателенъ къ слову закона, онъ зналъ наизусть писанія, слѣдовалъ за учителями или самъ былъ учителемъ, и всѣ состоялія—священники, раввины, ремесленники раздѣлялись на секты и ежедневно занимались истолкованіемъ или примѣненіемъ къ частнымъ случаямъ постановленій Моисея. Въ Греціи только люди принадлежавшіе къ высшему сословію интересовались философскими предметами и находили удовольствіе заниматься ими. Въ Іудеѣ все населеніе составляло религіозную школу. Пусть не думаютъ, что проповѣдничество апостоловъ, кото-

рые почти все принадлежали къ низшему сословію, представлялось сколько нибудь страннымъ въ этой странѣ. Въ числѣ писателей книгъ ветхаго завѣта, въ числѣ составителей Талмуда встрѣчаются земледѣльцы, ремесленники, пастухи. Примѣръ такого же рода представляется и гораздо позже въ лицѣ тиверіадскихъ ученыхъ составителей Мишны. Во все періоды исторической жизни еврейскаго народа великіе цари и знатнѣйшіе граждане выходили изъ массы народа. Послѣдній герой Іудей въ борьбѣ ея съ Римомъ—Варъ-Кохавъ—былъ ремесленникъ. Но если по своему воспитанію и по своему закону іудей былъ гораздо ближе къ христіанству, чѣмъ язычникъ, то по своей ненависти ко всему иностранному, по своей приверженности къ формальности, опутавшей его жизнь безчисленными обрядовыми предписаніями, іудей былъ несравненно далѣе отъ христіанства, чѣмъ язычникъ. Самая почитаемая, самая ученая изъ іудейскихъ сектъ, секта фари́сеевъ слишкомъ далеко простирала свою приверженность къ формамъ и скрывала духъ закона подъ его буквою. Послѣдователи этой секты всего болѣе противодѣйствовали распространенію появляющагося христіанства. Фарисеи, обратившіеся въ христіанство, возмущали внутреннее спокойствіе христіанскаго общества столько же, сколько фарисеи—преслѣдователи тревожили вышнее благосостояніе церкви. Поэтому-то ап. Павелъ, издавна принадлежавшій къ сектѣ фари́сеевъ, сознавши жалкое заблужденіе своей секты и сдѣлавшись учителемъ язычниковъ, возставалъ именно противъ духа фари́сейской секты, формализмъ которой перешелъ въ насущную потребность почти всего іудейскаго народа. Ап. Петръ первый понялъ, сколько затрудненій для распространенія христіанства можетъ произвести духъ іудейской самозаклученности и нетерпимости, условливаемой всею предыдущею жизнью еврейскаго народа. Когда, при началѣ своего апостоль-

скаго служенія, ап. Петръ отправился въ Иоппію, а потомъ изъ Иоппіи въ Кесарію, по просьбѣ сотника римскаго легіона Корнилія, чтобы тамъ крестить этого римлянина и его семейство, состоявшее изъ язычниковъ, то счелъ долгомъ оправдываться предъ церковію іерусалимскою, состоявшею изъ іудеевъ. Чтобы объяснить этотъ поступокъ, согласный съ евангельскою свободою, ап. Петръ упомянулъ объ особенномъ божественномъ наставленіи (Дѣян. XI, 2 и слѣд.). Онъ первый въ слухъ всѣхъ говорилъ, что евангеліе въ такой же мѣрѣ принадлежитъ и язычникамъ, какъ и іудеямъ, и что нужно проповѣдывать его всѣмъ безъ всякаго различія (Дѣян. XV, 7—10). Точно также и бывший преслѣдователь христіанъ Савль, въ христіанствѣ Павелъ, долженъ былъ сослаться на особенное откровеніе Божіе для того, чтобы выполнить свое призваніе—быть апостоломъ язычниковъ, и найти себѣ у другихъ апостоловъ такое довѣріе, какимъ пользовался Петръ, апостоль іудеевъ. Впрочемъ раздѣленіе служенія этихъ двухъ апостоловъ, стремившихся распространить христіанство у разныхъ народовъ, было болѣе по имени, чѣмъ въ дѣйствительности. Если ап. Петръ, обративъ ко Христу сотника Корнилія и членовъ его семейства, на которыхъ онъ низвелъ Святаго Духа, такимъ образомъ сближался съ язычниками, то и объ ап. Павлѣ можно сказать, что онъ по нуждѣ поблажалъ іудеямъ для пользы своей проповѣди. Такъ онъ обрѣзалъ своего ученика Тимофея, сына іудейки и грека, слѣдовательно—язычника; и сдѣлалъ это, какъ говоритъ намъ писатель книги *Дѣяній апостольскихъ*, изъ страха іудеевъ (Дѣян. XVI, 1, 3). Въ Кенхреѣ, гавани коринтской, тотъ же апостоль, слѣдуя обычаю назореевъ, обрѣзалъ себѣ волосы и обрилъ голову, и ходилъ босикомъ, какъ то требовалось іудейскими правилами (Дѣян. XVIII, 18; Чист. VI. 18). Это еще не все. Прибывши въ Іерусалимъ съ своими учени-

гами язычниками, онъ отправился въ храмъ и заставилъ ихъ вмѣстѣ съ собою исполнить обрядъ очищенія и жертвоприношенія. Все это безъ сомнѣнія онъ дѣлалъ *страха ради іудейска*. Другіе апостолы и священники іерусалимскіе совѣтовали ап. Павлу поступать такъ, конечно, тоже по боязни іудеевъ (Дѣян. XXI, 23, 24).

Вѣроятно, необходимость подобныхъ поступковъ была слишкомъ сильна, если даже непоколебимый духъ ап. Павла былъ вынужденъ дѣлать то, что онъ и предъ своими учениками и въ глубинѣ своего сердца признавалъ несправедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, уклоняясь отъ соблюденія законныхъ обрядностей и іудейскихъ обычаевъ, легко можно было возбудить церковное разъединеніе. Конечно, нечего было опасаться этого со стороны язычниковъ. Но что касается до іудеевъ, то почти предъ глазами самого ап. Петра два соперника, Керинѣ и Евіонъ, собирали подъ свои знамена многихъ изъ обрѣзанныхъ, принявшихъ новую вѣру, но не оставившихъ своего іудейскаго образа мыслей.—Во многихъ другихъ мѣстахъ, христіанскія общества, составленные изъ іудеевъ, почитая **Иеуса Христа** простымъ пророкомъ, а евангеліе—дополненіемъ къ закону Моисееву, пытались уничтожить въ христіанствѣ свободу, которая составляла его сущность. Въ церквахъ изъ язычниковъ царствовала свобода; но эта свобода была очень подозрительнаго свойства. Апостолы рѣшили на соборѣ іерусалискомъ, что вѣрныя должны воздерживаться отъ блудодѣянія, отъ употребленія въ пищу мяса удушенныхъ животныхъ и крови, а также идоложертвенныхъ мясъ, и только этими тремя предписаніями ограничили обрядовыя обязанности христіанина. Епископъ іерусалимскій Іаковъ, братъ Господень, своимъ пастырскимъ посланіемъ обнародовалъ рѣшеніе собора (Дѣян. XV, 28, 29). Но церкви, состоявшія изъ іудеевъ, не вдругъ стали повиноваться этому рѣшенію. Въ

Малой Азии и Сирии, гдѣ общества іудеевъ, обращенныхъ въ христіанство, были очень многочисленны, нужно было ожидать великаго возмущенія, вслѣдствіе наущеній іерусалимскихъ христіанъ изъ іудеевъ. Галатія, въ которой ап. Павелъ имѣлъ особенный успѣхъ, своими церковными смутами доказала, что труды апостола языковъ повидимому остались тщетными, чего, какъ видимъ изъ его посланія къ галатамъ, онъ и самъ не мало опасался (Гал. I, 6. 7; III, 1). При такихъ обстоятельствахъ, Петръ по дѣламъ своей проповѣди пришелъ въ Антиохію, гдѣ ап. Павелъ основалъ очень благоустроенную церковь изъ грековъ и сирійцевъ. Прибывши Петръ соединился съ своимъ соапостоломъ и, нимало не сомнѣваясь, вступилъ въ сношенія съ христіанами изъ язычниковъ,—вмѣстѣ съ ними совершалъ молитвы и вкушалъ пищу. Спустя нѣсколько времени пришли туда нѣсколько обрѣзанныхъ изъ церкви іерусалимской; они соблазнялись такимъ поведеніемъ ап. Петра, и онъ потихоньку оставилъ язычниковъ, чтобы поселиться съ обрѣзанными; другіе іудеи сдѣлали тоже, и отдѣлились отъ необрѣзанныхъ (Гал. II, 12. 13). Тогда произошло то столкновение, которое описалъ ап. Павелъ въ посланіи къ галатамъ, имѣя при этомъ двоякую цѣль: укрѣпить свой авторитетъ въ церкви галатійской, и оправдать въ глазахъ обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ ученіе о евангельской свободѣ, которое служило основаніемъ всей его проповѣди. Вотъ какъ апостоль рассказываетъ это происшествіе: *когда я увидѣлъ, что Петръ и другіе не прямо поступаютъ по истинѣ евангельской, то сказалъ Петру при оныхъ: если ты, будучи іудеемъ, живешь по-язычески, а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски* (Гал. II, 15)? Эти послѣднія слова заставляютъ думать, что многіе христіане изъ язычниковъ, видя отдѣленіе Петра и другихъ обрѣзанныхъ, поколебались въ своихъ убѣжденіяхъ. Во всякомъ случаѣ Варнава,

сообщникъ ап. Павла въ распространеніи христіанства между язычниками, дозволилъ себѣ увлечься примѣромъ ап. Петра, къ великому неудовольствію ап. Павла. Таково было антиохійское происшествіе. Кромѣ этого ап. Павелъ не прибавляетъ ничего, описывая его вѣрнымъ Галатіи. Вѣроятно, что на это событіе въ христіанскомъ мірѣ обратили очень мало вниманія, или что подобныя споры были часты, такъ какъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ объ этомъ происшествіи нѣтъ упоминанія. Апостольскіе язычники пользуются случаемъ, чтобы поставить на видъ независимость своихъ дѣйствій общинамъ, которыя слѣдовали его благовѣстію. «Вотъ», писалъ онъ, «то, что я сказалъ въ лице Петру» (Гал. II, 14). Какъ писатель *Дьяній апостольски* гд., современникъ антиохійскаго событія, считаетъ лишнимъ упомянуть о немъ ¹⁾, такъ и церковныя историки двухъ первыхъ вѣковъ тоже хранятъ о немъ молчаніе. Но въ половинѣ третьяго вѣка одинъ изъ тѣхъ неоплатониковъ, которые вступили въ упорную борьбу съ христіанствомъ, основываясь на его собственныхъ писаніяхъ, философъ Порфирій напомнилъ объ антиохійскомъ происшествіи съ укоризною ап. Павлу. Порфирій представлялъ общество апостоловъ раздѣленнымъ на двѣ враждебныя партіи ²⁾. Павелъ, недругъ Петра, съ завистію смотрѣвшій на его авторитетъ, возставалъ гордо, надменно до безстыдства (таково собственное

¹⁾ Quum Lucas, scriptor historiae (apostolicae), nullam hujus dissensionis faciat mentionem, nec dicat unquam Petrum Antiochiaë fuisse cum Pavlo... Hieron. Comment. Paul. Ep. ad Galat., t. IV, 1 p., p. 244.

²⁾ Sceleratus ille Porphyrius in primo operis sui adversum nos libro, Petrum a Pavlo objecit esse reprehensum, quod non recto pede incederet ad evangelizandum, volens et illi maculam erroris inurere, et huic procacitatis: et in commune ficti dogmatis accusare mendacium, dum inter se ecclesiarum principes discrepent. Hieron. Comment. Paul. Ep. ad-Galat., Praefat., p. 223.